

К вопросу становления концепции национальной истории (К.Д. Кавелин и Д.А. Валуев)

А.О. Белоус*

Началом полемики между славянофилами и западниками в области русской истории можно считать издание сборника Д.А. Валуева и критическую рецензию на него К.Д. Кавелина. В сборнике Д.А. Валуева содержались основные положения славянофильской концепции русской истории

Горячие споры между западниками и славянофилами постепенно выходили за пределы салонов на страницы различных печатных изданий. Борьба между ними разгоралась и в области русской истории. Одним из главных защитников западнических идей выступил К.Д. Кавелин.

В 1845 г. вышел в свет I том «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единомышленных», получивший известность как «Сборник Валуева» [1]. Издателем сборника был историк-славянофил Д.А. Валуев**. Кавелин относился к Валуеву как историку с большим уважением. Когда вышел в свет «Симбирский сборник» [2], он посвятил ему рецензию, в которой с большой похвалой отозвался об изысканиях Валуева по истории местничества [3]. «Сборник Валуева» по сравнению с «Симбирским сборником» носил более отчетливую славянофильскую окраску. В предисловии к «Сборнику» Валуев писал, что сооружение здания Российского государства, начатое в XVIII в. Петром I, «со славою и блеском» завершено в первой четверти XIX в. Он полагал, что государство создавалось по европейскому типу. Россия усваивала все европейское: науку, нравы, быт, всю цивилизацию. Это развитие происходило в благоприятных условиях, поскольку оно было добровольное [1, с. 6]. В XIX в., по мнению Валуева, наступила «для русской жизни новая эпоха». «От заимствований извне мы начинаем обращаться на самих себя». Приметы обновления России Валуев

видел в возникновении при ее содействии нескольких православных государств в Европе, в устройстве быта и постепенном возвращении к национальному. В подтверждение он ссылался, с одной стороны, на возникновение Греции как самостоятельного государства, образование православных княжеств Сербии, Молдавии и Валахии, объединение армян восточного исповедания, воссоединение унии с православной церковью, «проповедь евангелия язычникам, живущим в отдаленнейших краях России», создание православных школ на Востоке, с другой – составление и издание полного собрания законов, «полюбовное размежевание чересполосных владений», издание источников по русской истории и работы «Вооружение русских войск», воссоздавшей «наглядно, пластически древнюю Русь» [1, с. 13–14], возвращение светской и церковной архитектуры к древнерусскому и византийскому стилям, постепенное распространение русского языка в высших слоях общества, «которые было забыли его», наконец, «появление национальных русских поэтов в лице Пушкина и Гоголя» [1, с. 16].

Не последовала общему движению, считает Валуев, лишь наука, особенно история. Великое призвание истории – познакомить часть русского общества, «воспитанную под исключительным влиянием Запада», с теми, кого реформа Петра Великого почти не коснулась, познакомить Россию с ее единоверцами и единомышленниками, разбросанными по всему свету, и «тем дать воз-

* Белоус А.О. – соискатель кафедры философии Российского Государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, член Российского философского общества.

** Валуев Д.А. умер в 25 лет. Но даже в своих ранних, незавершенных работах он проявил себя именно как историк в гораздо большей мере, чем получивший широкую известность как создатель славянофильской концепции истории России К.С. Аксаков и менее популярный, но все же отмеченный в историографической литературе Ю.Ф. Самарин. При всем интересе К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина к истории они все-таки выступали в большей степени как люди, занятые один – публицистической, другой – публицистической и общественной деятельностью. Тем более незаслуженным можно считать недостаточное внимание к историческим трудам Валуева. О нем писали немного, главным образом в XIX в. [4, 5]. В историографических трудах, носящих обобщающий характер, Д.А. Валуев даже не упоминается.

возможность узнать самое себя». Только при этом условии возможно возникновение в России «самостоятельной исторической науки», которая ответит русским на вопрос, что они собой представляют, «к чему призваны», и по-новому осветит историю западноевропейских народов, им самим не столько понятную, как постороннему, беспристрастному наблюдателю [1, с. 17]. Таким образом, предисловие Валуева к «Сборнику» представляет собой одну из наиболее ранних попыток обосновать славянофильский подход к истории вообще и к истории русской и западноевропейской в частности. В своих построениях на первое место он ставит распространение и рост авторитета православия, на второе – усиление внимания к родному языку, национальным особенностям и обычаям. Причем реформы начала XVIII в., заимствование достижений европейской цивилизации Валуев считал для своего времени явлением необходимым и прогрессивным [1, с. 18].

Кавелин в своей рецензии не спорит с Валуевым о предназначении русской истории и соглашается, что знакомство с историей и бытом единоверцев заслуживает одобрения, хотя и «не знает» того, что из этого может получиться в будущем. Зато во имя будущего, считает Кавелин, не следует бросать напрасно упрека западному миру и западной науке [3, столб. 708]. Валуев писал, что если понимать под просвещением не одни определенные улучшения и усовершенствования в науках, художествах и т. д., «а то совокупное умственное и нравственное движение, которое должно соединять народы в единство братолюбивой жизни и осуществлять в обществе чистую мысль христианства, во сколько она осуществима в человеке, – то во всяком случае еще останется под сомнением, кого с большею справедливостью можно назвать просвещенным – Россию ли XV и XVI века или ей современную католическую и протестантскую Европу?» [1, с. 2]. Кавелин возражал, что, во-первых, неверно, будто развитие наук, усовершенствование быта и т. д. шли в Европе своей дорогой, а нравственное и духовное развитие – своей, а во-вторых, полагает он, в науке, художествах, общественном быту на Западе народ выражал «глубочайшие, задушевные верования свои, мысли, стремления», в них он жил, они составляли его плоть и кровь [3, столб. 709]. Касаясь влияния западного мира на Россию, Валуев ополчается против «просвещенного большинства», требующего от жизни «наслаждения всем умственным, нравственным и вещественным комфортом, который изготовляется для него услужливым просвещением». Он считает католицизм и протестантизм двумя видоизменениями «одной общей религии нравственной бестревожности (комфорта). Ту

же задачу, не разрешенную в области веры, берет на себя систематизм в науке, формализм в обществе, мода в гостиной и т. д.» [1, с. 12]. Кавелин отмечает, что Валуев пришел к неверному выводу, что цель просвещенного общества, даже его лучшей части, – «более или менее утонченный материализм, нравственное и умственное усыпление или равнодушие». Вместе с тем он пишет, что не видит ничего плохого и в стремлении к комфорту. «Наслаждение – цель живущего, а уж дело каждого наслаждаться, чем он хочет: один наслаждается молитвой и постом, другой – исполнением долга, третий – наукой, четвертый – искусством, пятый – победой над низкими страстями, шестой – самими лишениями». Кавелин защищает «исключительно утилитарное направление нашего времени», в котором видит реакцию против, «может быть, слишком исключительно спиритуального направления», предшествовавшего практическому взгляду на вещи, и заключает: «Всею своею: свое телу, свое духу» [3, столб. 710].

Размышления Валуева о возможности возникновения самостоятельной, независимой от европейской, русской науки, призванной осветить прошлое и будущее России и по-новому взглянуть на европейскую историю, Кавелин назвал «неопределенными» и напоминающими больше «мечтания». Вместе с тем он отдавал должное добросовестности Валуева, в силу которой тот в своих «мечтаниях» был осторожен, а касаясь реальных событий, давал им справедливую оценку, даже если она не подкрепляла его общего взгляда (роль европейского влияния, отношение к реформам Петра I). Считая взгляды Валуева смесью верных и ложных мыслей, Кавелин, приступая к их разбору, счел необходимым изложить и свою точку зрения. По его мнению, до Петра I в России не было «ни науки, ни искусства», а сами русские «были заключены в ложном, очарованном кругу восточных привычек и обычаев». Рассматривая распространение европейской культуры в России после петровских преобразований как явление «не случайное, а необходимое», Кавелин подчеркивал, что Россия усваивала западную цивилизацию «самоотверженно», отбросив национальные и исторические предрассудки. Возникшие в первой четверти XIX в. сомнения в плодотворности западного влияния, как и разочарование в некоторых сторонах западноевропейской жизни, Кавелин считал проявлением скептических настроений, распространившихся в русском обществе и в свою очередь явившихся естественным следствием культурного развития, начавшегося в начале XVIII в.

Указав на закономерность петровских реформ, Кавелин выдвигает одно из положений

своей будущей концепции. Здесь же, в рецензии на Валуевский сборник, он останавливается еще на одном важном для его будущей концепции понятии – развитии личности.

Валуев писал об издании «Вооружения русских войск»: «Эта книга впервые облекла для нас в образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мере, в чем ходили наши предки, какой вид имели наши города и села, и то уже много для первого начала... Теперь только начинает быть возможным для поэта роман или драма из нашей древней жизни, живописцу – картина, ваятелю – статуя». Валуев считал, что в России «возможен рост собственной культуры, ростки которой заложены в прошлом, так же, как зачатки культуры европейской содержались в средневековье... Если бы средние века не оставили по себе столько живых следов и гордых памятников прошедшего, которые на каждом шагу воскрешают его для западного человека, едва ли бы был возможен роман Вальтер Скотта или Фауст Гете» [1]. Культурное наследие на Руси сохранилось хуже: «Мы не были так счастливы, как Запад; от нашего прошедшего уцелели одни немногие остатки, разбросанные по всему безграничному пространству России. В том, разумеется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и деды, но более виновато то неуважение и невнимание к своей исторической жизни, которое вообще заметно везде, где жизнь народная еще преобладает над жизнью государственной» [1]. Кавелин, комментируя эти слова, подчеркивал, что различие в культурной традиции России и Запада более существенно, чем это отметил Валуев. Вряд ли, писал Кавелин, исторические памятники, подобные тем, что включены в книгу «Вооружение русских войск», могут «служить материалом для русского народного романа, для русской народной драмы». Для создания подобных произведений «нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь с глубокими нравственными интересами, с всемирными вопросами, в какой бы форме они не являлись». Подобный материал, по его мнению, был на Западе, поскольку там «лицо, человек, с самого начала на первом плане». Именно поэтому западное средневековье оставило «после себя столько живых воспоминаний, столько гордых памятников». Но выше самих памятников – создавшая их духовная жизнь. Что же касается причин того, почему уцелело немного памятников древней Руси, то Кавелин отчасти соглашался с Валуевым, но добавлял, что «только то для человека и народа дорого, что он сознательно создавал и делал, и, действительно, то и имеет цену, в чем высказался мыслящий и чувствующий человек или народ». Кроме того, считал он, к своей древности русские не относились бы теперь с таким

интересом, если бы «не было Петра и теперешней России». Тем самым он давал понять, что увлекающиеся русской стариной и порицающие деятельность Петра I почитатели древней Руси сами – порождение реформ начала XVIII в., связанных в представлении Кавелина с выступлением в России на историческую арену человеческой личности [3, столб. 718].

Далее Кавелин полемизировал с Валуевым, утверждавшим, что славянский мир богаче западного, что западный мир неблагоприятно действует на мир славянский, подавляет нравственные силы славян. Он отвергал противопоставление России и Европы, подчеркивая благотворность их сближения, начало которому было положено при Петре I: «С реформы Петра Великого все у нас с Европой – общее, и с каждым днем более и более; ее силлогизмы, ее стремления стали нашими, ее дело – нашим делом, ее наука – нашей наукой. Под европейской формой мы усвоили и усваиваем себе человеческое, равно близкое и родное всем племенам». Допуская, что в западном влиянии есть черты «исключительно национального европейского», которые со временем будут отвергнуты, Кавелин предостерегал от поспешных выводов. «Не достигнув полной самостоятельности в мышлении, в действовании, мы далеко не в состоянии определить, что из принимаемого нами с Запада – общечеловеческое и что исключительно историческое, принадлежащее одной Европе. С последним мы бы стали отрицать и первое», – писал он [3, столб. 723–724].

Вслед за предисловием Валуева в «Сборнике» была помещена статья «Вместо введения» А.С. Хомякова, посвященная истории расселения племен на грани древнего и нового (т. е. средневекового) мира. Она содержала много различных сведений и смелых, но необоснованных выводов. «Статью открывает игра историческими фактами и несомненными историческими истинами, словом, игра в историю; заключает – ирония над всем славянским миром, его прошедшим и будущим» [3, столб. 724], поскольку в конце Хомяков так превозносит добродетели славян, что статья производит впечатление насмешки, писал Кавелин. Хомяков заключал статью словами: «Долго страдавший, но окончательно спасенный в роковой борьбе, более или менее искаженный чуждою примесью, но нигде не заклеянный наследственно печатью преступления и несправедливого стяжания, славянский мир хранит для человечества если не зародыш, то возможности обновления» [3, столб. 729]. Прочитав эту концовку, Кавелин пришел к выводу, что вся статья – лишь «забавная игра в историю», в которой факты, «как стеклышки в калейдоскопе, стоят кверху ногами, а что-то выходит» [1, с. 7].

Бегло коснувшись статей, в которых исторические факты не имели славянофильской окраски (к ним Кавелин относил статьи «Юридический быт Силезии и Лужии и введение в эти земли немецких колонистов» (составлена по книгам Цшоппе и Штеццеля самим К.Д. Кавелиным), «История древнего наследственного права (по закону)» Г. Губе, «Об опеке и наследстве по Русской Правде» А. Попова, «О земледелии, промышленности и вообще богатстве Польши в XV и XVI в.» (по книге Суворецкого), «Волин, Иомсбург и Винета» Т. Грановского, «Извлечение из письма Рабби Хисдай Бэн Ицхак к царю Хазарскому» (перевод К. Коссолича), «О лубочных картинах русского народа» И.М. Снегирева, «О значении слова «черный» в древнем русском языке и преимущественно о черном боре Новгородском» С.М. Соловьева, «Христианство в Абиссинии» Д.А. Валуева, «О политическом устройстве и нравах прибрежных островов и городов Далмации, о финансах, условиях, гражданском и уголовном праве» А. Рейца.), Кавелин называет статьи, выдержанные в духе славянофильства («Города немецкие и славянские» Д.А. Валуева, анонимный комментарий к «Разысканиям Кледена о славянах в нынешней (Браниборской) Бранденбургской области», «Славянское и православное население Австрии», «Историческая наука славянского мира в последнее пятилетие»), но не разбирает их подробно, полагая, что это может быть предметом специального исследования.

ВЫВОД

В заключение Кавелин писал, что сожалеет о Д.А. Валуеве, который «отдался весь своим, скажем беспристрастно, бесплодным убеждениям». Он, по словам Кавелина, «писал кровью, в его перо по каплям сочилась его молодая драгоценная жизнь» [1, столб. 727]. Кавелин призывает

отказаться от тенденциозности, свойственной славянофилам, и объективно взглянуть на западную и русскую историю [1, столб.746].

Выход в свет Валуевского сборника и критическую рецензию Кавелина на него можно считать началом полемики между славянофилами и западниками в области русской истории. Д.А. Валуев выдвинул очень сжатую и не во всем последовательную точку зрения славянофилов на русскую историю. Тем не менее в его предисловии уже содержались основные положения славянофильской концепции русской истории: специфичность русского исторического процесса и его принципиальное отличие от западноевропейского. Те же мысли лежали и в основе статьи, написанной А.С. Хомяковым. Отличительной чертой этих ранних выступлений славянофилов было то, что в них отсутствовали, во-первых, появившееся позднее и нашедшее особенно яркое выражение в статьях К.С. Аксакова резко отрицательное отношение к петровским реформам и, во-вторых, также появившаяся впоследствии тенденция тесно связывать историю России с христианством, а затем и с православием, объясняя этим своеобразные черты исторического пути, пройденного Россией. Но Валуев, безусловно яркий и талантливый человек, в своих статьях первым изложил славянофильскую концепцию русской истории. Однако нельзя только этим ограничивать его роль в русской историографии. Может быть, более важное значение имеет его деятельность в целом, направленная на выявление и публикацию новых документов по истории России, расширение круга занятий историков, осмысление новых, ранее неизвестных фактов. Poleмика с ним, несомненно, имела существенное значение и для формирования взглядов Кавелина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных*. Изд. Д. А. Валуева. Т.1. – М., 1845.
2. *Симбирский сборник*. Историческая часть. Изд. Д.А.Валуева. Т. 1. – М., 1845.
3. *Кавелин К. Д.* Собр. соч., т. 1, стлб. 689-702. – СПб., 1897.

4. *История исторической науки в СССР*. Дооктябрьский период. Библиография. – М., 1965, с. 241.

5. *Виленский Н. А.* Д. А. Валуев – издатель и исследователь Разрядной книги 1559–1605 гг. – В кн.: *Разрядная книга 1559–1605 гг.* – М., 1974, с. 355–379.

